

СОЦИОЛОГИЯ: ПРОФЕССИЯ И ПРИЗВАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ И. А. ГОЛОСЕНКО

Вопрос: Поколение «шестидесятников» подводит итоги, оценивает созданное и надеется на признание. В конце столетия — самое подходящее время восстановить не только хронику прошлого, свершившееся, но и поразмышлять о том, что «осталось за скобками». Поэтому первый вопрос — сугубо биографический: откуда Вы родом, как и почему оказались в Академии наук и пришли в сферу университетского образования?

Вероятно, во время вашего обучения на философском факультете Ленинградского университета в 60-е годы было немало интересного. Например, чему учили студентов в то время, на что ориентировали? Были ли действительно выдающиеся ученые и профессора, которые достойны подражания? Кого и что вы оцениваете как приемлемое ныне, а что как дань идеологическим социалистическим принципам 60—70-х годов?

Ответ: Целый веер вопросов и таких разных! Впрочем, начнем по порядку. Родился я в 1938 году на Северном Кавказе в семье офицера, во время войны с нацистами отец ушел на фронт, защищал блокадный Ленинград, я и мама перебрались в Москву, где нас приютила семья профессора Ивана Соловьева, старинного знакомого моих родителей. После окончания войны вслед за летным полком отца переезжали в Таллин, Калининград, Ригу и в 1951 году попали в Ленинград, так как отец стал преподавателем Военно-морской академии. С тех пор я житель северной столицы. После окончания университета в 1963 году стал преподавать философию (часто по совместительству) в разных институтах, в том числе и в университете, чем и сейчас занимаюсь, хотя при всей любви к преподавательской деятельности с возрастом объем лекционной работы пришлось уменьшить.

В стенах Академии наук побывал дважды. Первый раз в начале 70-х годов в рамках ленинградского филиала Института философии, возглавляемого тогда профессором А. Г. Харчевым, крупнейшим в те годы специалистом по социологии семьи. Мне попадались американские учебники социологии середины 60-х годов, в которых из всех советских социологов той поры упоминался только один Харчев. Он собрал вокруг себя людей, которые хотели попробовать свои силы в социологии, казавшейся многим в те годы совершенно новой наукой. Я же в силу университетской специализации в истории философии стал заниматься историей социальной философии и социологии и много тогда читал классических текстов, вживаясь в разные стили мышления об обществе, культуре и личности. Вернулся я в Академию наук в 1989 году, когда был создан Институт социологии, куда перебрались многие из моих бывших коллег по Институту философии. И здесь я продолжаю свои занятия по истории социологии (реже — философии), но от общих, абстрактных проблем сейчас перешел к более мелким и конкретным. Проиллюстрирую таким сопоставлением: теперь меня волнует не теоретико-методологическая сущность субъективной школы, а дробные вещи — историческая ценность учений С. Южакова о социологическом образовании, Н. Кареева об истории социологии, П. Лаврова о

«дикарях культуры» и т. п. Глубоко убежден, что в ансамбле гуманитарных наук самая интересная — история.

Я рад, что мое университетское образование и нынешняя работа совпали, и я не попал в ряды тех, кто работает, как говорится, не по специальности. В 60—80-х годах, до появления официального профессионального обучения, таковыми у нас были все социологи. С одной стороны, это обеспечивало здоровую междисциплинарность, но, с другой, порождало непрофессионализм многих исследовательских стандартов.

Что же касается университета конца 50-х — начала 60-х годов, то там было много интересного, учитывая послесталинскую «оттепель», которая в смысле перестройки умонастроений была прелюдией нынешней общеструктурной перестройки. К тому же, это годы молодости; незабываемые чувства и настроения этой поры жизни часто искупают несовершенство общественной жизни вокруг.

В учебном процессе вместе с ретроградами и схоластами попадались выдающиеся мастера, особенно среди молодой когорты преподавателей. Запомнилась эрудиция Игоря Кона, который практиковал дух товарищества в общении со студентами и всегда искренне и внимательно разрешал наши сомнения, отвечал на вопросы, давал дельные библиографические советы по профессиональной литературе, в которой свободно ориентировался. Его спецкурс по социологии личности проходил в постоянно переполненном актовом зале, куда собирались студенты не только университета, но и других, даже технических вузов. Интерес к гуманитарным проблемам был очень высок у молодежи тех лет.

Глубокий след оставила творческая манера Юрия Асеева, читавшего курс истории философии от нового времени до наших дней. После вводной общеознакомительной лекции о том или ином философе — Бэконе, Локке, Декарте или Шопенгауэре, он требовал от нас досконального погружения в сочинения мыслителя, а не в критико-комментаторскую литературу о нем, часто просто убогую. Далее на нескольких семинарах коллективно обсуждалось прочитанное, и Асеев подводил итоги. Полученные таким образом конспекты успешно заменяли мне учебники той поры. Потом долгое время я пользовался его уроками, когда сам стал читать аспирантам и соискателям курсы по истории философии.

Однако свойственное молодежи увлечение радостями жизни не всегда способствовало учебному рвению. Впрочем, это вполне естественно. Меня как-то поразила связанная с этим жалоба Августина Блаженного на молодых слушателей его лекций. Вероятно, молодежь всегда танцует не те танцы. Как сейчас помню семинар нашей группы, многие из которой стали позднее докторами наук. А пока руководитель семинара И. Кон с сарказмом обращался к нам: «Первобытные люди при обработке каменного топора тратили больше интеллекта, чем вы при обсуждении данной проблемы».

Вопрос: Игорь Анатольевич, юбилей — хороший повод поговорить о том, почему Вы связали свою жизнь с социологией, с изучением многоликой истории социологической мысли. Был ли Ваш выбор случаен? Что повлияло на него? Известно, что отношение к социологии со стороны властей в советское время никогда не отличалось особым благоволением, но интерес к ней, особен-

но в 60-е годы, резко вырос и оставался неизменным в последующие годы. Что способствовало этому в целом в стране и, в частности, в Ленинграде?

Ответ: Вероятно, логичнее ответить на последний вопрос и потом перейти к начальному. История советской социологии 60-х и последующих годов еще не написана, но кое-какие подступы к теме были. Прежде всего следует упомянуть вышедшую в США книгу В. Шляпентоха, которая, впрочем, чрезмерно политизирует проблему.* Г. Батыгин в своем «Социологическом журнале» удачно собрал серию интереснейших воспоминаний «шестидесятников» — И. Кона, И. Бестужева-Лады, Л. Карпинского, Ю. Давыдова, Ю. Шубкина, Б. Фирсова и других, в которых рассыпаны очень ценные взгляды на проблему. «Социологическая ассоциация» провела 23 марта 1994 года содержательный симпозиум «Российская социологическая традиция шестидесятих годов и современность», в работе которого принимали участие ведущие российские социологи. Мне кажется, что обращение к социологии в 60-е годы имело несколько причин. Воскрешение социологии создавало очередную цивилизаторскую этикетку советской империи, так как на фоне налаживающихся широких контактов с Западом власти хотели быть похожими на него в относительно безобидной форме. Социология в своей умозрительно-теоретической части была объявлена историческим материализмом, в конкретно-прикладном, методологическом аспекте — набором эмпирических исследований.

Сейчас скептически относятся к этому разделению, не замечая его исторического значения — ведь это позволило многие социологические тексты реализовать в пятитомной «Философской энциклопедии» (1960 — 1970) и на какое-то время спасти ее от административной дыбы, угроза которой стала реальной после Пражской весны.

Социология обещала новую информацию об обществе, в которой были заинтересованы (с разной степенью эгоизма) партийно-комсомольские органы, КГБ, хозяйственные, академические круги. При реализации запроса выяснилось, что власть подходит избирательно к объективной информации, часто она ей не нужна и опасна. Отношение к социологии к концу 70-х годов стало более прохладным и подозрительным. Произошел беспрецедентный случай, когда властью была изобретена новая общественная наука — «научный коммунизм» (с кафедрами, журналами, диссертациями и т. п.), которая, по замыслу идеологов от Политбюро, должна была либо вообще вытеснить социологию, либо уравновесить ее влияние. Что касается ленинградской социологической школы, которая, на мой взгляд, обеспечила сильный толчок развитию всей советской социологии, то она держалась на трех китах: в историко-социологических и общетеоретических разработках лидировал И. Кон, а в эмпирических и методологических исследованиях — В. Ядов и А. Здравомыслов, вокруг которых группировались их младшие соратники. Лично я избрал историю социологии, книга Кона «Позитивизм в социологии» (1964) показалась мне глотком свежего воздуха.

Выход же на главную исследовательскую колею был предопределен многими обстоятельствами, прежде всего, темами дипломной работы, а потом кан-

* Речь идет о книге *The Politics of Sociology in the Soviet Union* / Ed. V. Shlapentokh. Boulder London: Westview Press, 1987.

дидатской диссертации, которые мне порекомендовал И. Кон — философия истории и социология Питирима Сорокина. Все меня покорило в экзотической фигуре Сорокина — философский ум, многоплановое социологическое творчество, глубочайшая культура русского века, красиво названного «серебряным». В одной зарубежной книге изумлялись этим «русским деревенским пареньком», шагнувшем в профессора и деканы Гарвардского университета. Это действительно изумляет, впрочем, автор забыл, что между деревней и Гарвардом лежал знаменитый Санкт-Петербургский университет. Итак, мне, выпускнику этого же университета, правда, в советском его варианте, тема исследования показалась захватывающей, и, приступив к ее реализации, я был обязан заниматься западной и отечественной социологией, о чем не жалею ни минуты, так как считаю, что профессионально я состоялся.

Вопрос: Вы всю жизнь профессионально занимались исследованиями и преподаванием социологии. Однако предметом Ваших исследований была и остается прежде всего история отечественной социологии в дореволюционный период. Можно ли утверждать, что в России существовала оригинальная национальная школа, и вообще, сопоставим ли вклад российских социологов с вкладом таких зарубежных социологов, как Э. Дюркгейм, Ф. Теннис и др.? Этот вопрос важен для понимания нынешней ситуации в российской социологии, ибо сталкиваются полярные точки зрения: либо за неимением своего опираться исключительно на опыт зарубежных социологов, либо замыкаться в рамках сложившихся в России социологических традиций.

Ответ: Вероятно, следует развести заданные вопросы. Во-первых, в России существовала оригинальная национальная традиция, которая объединила ряд направлений и школ (скажем, субъективную школу, московскую школу, школу Петражицкого и другие), а также усилия одиночек типа Е. Де-Роберти или В. Вагнера. С высоты наших дней совершенно четко видно, что вклад отечественных социологов вполне сопоставим с вкладом зарубежных исследователей. Ограничусь беглым перечислением теоретиков, «удельный вес» которых равновелик: Н. Данилевский и О. Шпенглер, Н. Михайловский и Г. Тард, Е. Де-Роберти и Э. Дюркгейм. А чего стоит блестящая плеяда социологов русского зарубежья — П. Сорокин, Г. Гурвич, Н. Тимашев, Е. Спекторский и другие, а они ведь были прямыми продолжателями русской социологической традиции. Во-вторых, следует опасаться как изоляции в национальных традициях, ибо это мумифицирует их, так и бездумной вестернизации, ибо есть национальные особенности народной жизни, культуры, языка, социальных проблем и, соответственно, существует специфика социологии разных стран и регионов. Мне уже приходилось писать об этом. Дословный перевод терминологии и механическое применение чужих теорий может быть комической бессмыслицей. К сожалению, такого хлама у нас с избытком. Но слепое подражание только говорит о низкой исследовательской культуре. Единственный плюс в этом таков: обнаружив такого социолога, вспоминаешь «умственную гигиену» Конта и просто перестаешь читать его очередные опусы. Зачем тратить время на чепуху? А вообще требуется органическое сочетание своего и чужого, переплавка разных идей. Именно так и шло развитие русской социологической традиции.

Вопрос: В предыдущем номере нашего журнала мы опубликовали ряд пи-

сем Питирима Сорокина к Вам. Что побудило Вас общаться с ним? Не было ли при этом каких-либо затруднений, ибо за общением с иностранными учеными, надо полагать, была цензура и контроль? Или это все досужие домыслы?

Чем обусловлено то внимание, которое Вы уделили в своем творчестве Питириму Сорокину? Могли бы кратко сформулировать его открытия и заблуждения, которыми он и поныне ценен для истории науки и культуры?

Ответ: Как я уже говорил, мой интерес к творчеству Сорокина вначале не был самостоятельным, просто прислушался к проницательному совету Кона. Взяв несколько книг Сорокина, стал их штудировать. Обратил внимание на расхождения между ними. В более поздних книгах Сорокин ядовито критиковал позиции, на которых стоял когда-то и сам. Для авторитетного подтверждения вектора его духовной эволюции обратился к нему самому. Кстати, в университетской библиотеке многие книги Сорокина в начале 60-х годов выдавали на дом, а в Публичке в то же время они помещались в спецхране. Так что контроль имел дырки и изъяны к радости контролируемых. Кроме того, Вы, вероятно, этого не помните, в 60-70-е годы у нас были превосходные букинистические магазины, иногда летом создавались развалы старых книг напротив Казанского собора. Я совершал планомерный обход и много покупал в них — Сорокина, Ключевского, Франка, Кареева, Тахтарева, Зиммеля, Фрейда и других. Некоторые из этих сочинений сейчас переизданы, но привязанность к старым томикам у меня сохранилась. И недорогие были книги, это сейчас, как язвит А. Битов, книга — «товар». Помню, приобрел довольно редкие дореволюционные сборники «Новые идеи в социологии» всего за 5 рублей, т. е. за стоимость трех комплексных обедов в студенческой столовой.

Насчет особых затруднений в общении с Сорокиным ничего исключительного не было. С ним переписывались многие, хотя часть корреспонденции пропадала. У меня был только один досадный казус — все посланные по моей просьбе книги Сорокина были помещены в спецхране Публички. Позднее Сорокин проницательно завещал часть своих сочинений университетской библиотеке, и доступ к ним стал легче.

Что касается места и значения П. Сорокина, то об этом трудно говорить одной или двумя фразами, уж больно крупная и противоречивая это фигура в истории культуры и социологической науки. И потом, я лично предвзят, даже кое-какие его заблуждения по-человечески мне симпатичны. Например, красочная картина кризиса современной «чувственной культуры», нарисованная скорее рукой проповедника, чем ученого. В одном из многочисленных интервью, даваемых Сорокиным в последние годы жизни, на вопрос, кем бы он хотел остаться в глазах последующих поколений, ответил — моралистом. Этим он чем-то напоминает О. Конта, Л. Толстого.

В научном же отношении Сорокин был творцом ряда серьезных концепций — социальной системы, стратификации и мобильности, социокультурного явления, сельско-городского континуума, культурной типологии, истории социологии, которые, устарев со временем в некоторых деталях, остаются в сердцеvine своей жизненно полезными. Можно не разделять их объяснительные возможности в абсолютной степени, но знать их необходимо, иначе мы упускаем нечто важное и обедняем себя в профессиональном отношении. Следует

помнить — Сорокин прочно принадлежит истории, социологии и социальной философии.

Вопрос: В качестве профессора Вы преподавали философию и социологию. Насколько необходимо было тянуть ляжку преподавателя, когда у Вас была возможность заниматься исследовательской работой в Академии наук? В то же время Вы не стремились сделать университетскую карьеру, стать заведующим, деканом и т.д. Что же составляло стержень Вашей интеллектуальной судьбы: учительское наставление или научный поиск?

Ответ: Приходилось «тянуть ляжку», как Вы выразились, из-за ряда мотивов — житейской потребности в заработках, удовлетворения исследовательского любопытства и желания самоутверждения в работе. Иногда эти мотивы стимулировали друг друга, иногда мешали. Но в тех случаях, когда основным местом работы было преподавание, я никогда не бросал исследовательской деятельности, рамки которой то сужались, то расширялись. У преподавателей нашей высшей школы горький хлеб, но иногда общение с аудиторией доставляет глубокую радость, и это настроение является стимулом в работе за письменным столом, результаты научной работы я обычно доношу до следующей аудитории. Лекционное апробирование этих материалов укладывает его в удобные для восприятия блоки, делает более строгой логику изложения, а при оппозиции слушателей заставляет вновь обдумать и переделать многое. Так что в моем случае преподавание и исследование часто идут на поводу друг у друга. Но иногда преподавательская рутина мешает работе исследователя хотя бы тем, что съедает много сил и времени.

Что касается карьеры администратора в науке или преподавании, нужность и важность которых я признаю с почтением, то все это не для моего темперамента, я мог бы пребывать в подобном качестве, только находясь под общим наркозом.

Вопрос: Как Вы оцениваете ситуацию в прежние десятилетия, в 70, 80, 90-е годы — как в области преподавания, так и в сфере исследований социологии у нас в стране? Занятия социологией сопряжены с поиском и получением необходимой научной литературы. Испытывали ли Вы в этом трудности?

Прежний стабильный заработок в 70-80-х годах сменился на заботу о поддержании достатка в последние годы. Остается ли время и силы для научного творчества?

Насколько активно Вы общаетесь с российскими и иностранными коллегами? Бывали ли за границей?

Сохраняете ли Вы связи с коллегами в России и за рубежом в нынешнее беспокойное время?

На что в большей степени направляете Вы свои усилия сегодня: на сохранение завоеванного места в науке или стремитесь изменить положение дел в социальных науках в нашем отечестве?

Ответ: Вновь гроздь вопросов! Начну ответ с самых легких. В век факсов, к которым приходится относиться уважительно из-за оперативности и надежности связи, я несколько старомодно привязан к эпистолярному жанру, к услугам коего прибегаю в контактах как с отечественными, так и с зарубежными коллегами. С последними за годы гласности чаще. Вопрос о заграничных поездках был бы информационно полезным, когда существовали запреты и «невы-

ездные». Сейчас это вопрос не политический, а финансовый. Я бывал в некоторых странах, где переводили мои работы — в Германии, Венгрии, Чехословакии, Польше, за исключением разве только Китая. А если приплюсовать нынешнее зарубежье, сложившееся из обломков СССР, то его я объездил так основательно, что меня можно считать завзятым путешественником по зарубежью.

Трудностей с профессиональной литературой я почти не испытывал. Часть необходимых книг по социологии получал при помощи иностранных аспирантов и стажеров, кроме того, богатейшая личная библиотека моего научного руководителя И. Кона была открыта для меня. Теперь зарубежные коллеги постоянно снабжают специальной литературой. Я даже стал испытывать известный дискомфорт, когда почувствовал, что книги вытесняют меня из кабинета, и подарил часть иностранных книг библиотеке социологического факультета Санкт-Петербургского университета и Института социологии РАН.

Относительно сил и времени для получения денег в условиях нестабильных выплат и прочих житейских трудностей, то я стараюсь все это не драматизировать. В отличие от многих романтиков перестройки, я знал, что рынок жесток, что коммерческий пресс будет не лучше партийно-идеологического, что советская структура Академии наук перегружена псевдонаучным балластом, что впереди должны произойти болезненные изменения, что к необходимым и позитивным нововведениям будут примешиваться наши обычные головотяпство и неосмотрительность. Поэтому пытаюсь получать удовлетворение не от внешнего, а от внутреннего — игры воображения, удачной интуиции, умственных занятий и т.п. А если полученные результаты будут признаны научным сообществом и при этом хоть на немного увеличат верное знание о мире, то буду просто счастлив. Сказано же: «не хлебом единым...».

И последний, самый сложный вопрос. Как мною оцениваются 70—90-е годы в области преподавания и научно-исследовательской деятельности? Меня уже неоднократно спрашивали об этом молодые преподаватели, проходящие повышение квалификации в Гуманитарном институте при нашем университете. За последнее десятилетие преподавание радикально изменилось, появились новые факультеты, отделения и кафедры, новые дисциплины, множество учебных пособий разного качества, поток переводов и заграничные стажировки, плюрализм мнений приветствуется. Все это позволяет надеяться на прогресс в науке в ближайшем будущем. Но в указанные выше годы многое зависело от «человеческих отношений» на кафедре. Было много кафедр, где тон задавали малограмотные догматики. Мне невероятно повезло, сразу после окончания университета я попал на кафедру философии Института водного транспорта, которой заведовал талантливый человек Исаак Майзель. Большинство преподавателей были молодыми людьми, многие из них сейчас доктора наук и профессора в разных университетах. Умственная атмосфера была раскованной и свободной. В ее поддержку иногда даже заседания кафедры Майзель проводил у себя дома за гостеприимным столом с легким вином, и после быстрого обсуждения кафедральных дел все переходило к исполнению песен Галича и Окуджавы, которые у интеллигенции той поры были выразительным средством идентификации. Еще один штрих нашего вольнодумного самочувствия тех лет. На кафедре стоял большой полый гипсовый бюст Энгельса. Догадливая молодежь постоянно прятала в него пару бутылок сухого вина, которое после окон-

чания рабочего дня выпивала. Полагаю, Энгельс сам бы повеселился над таким немолитвенным использованием его изображения.

Когда был введен курс научного коммунизма, то обязанность читать его по кафедральной разрядке выпала мне, и я стал исполнять ее следующим образом. Во-первых, увеличил историческую часть за счет всевозможных утопий от Платона до наших дней (чем изрядно повеселил Кона) и, во-вторых, совершил редукцию ряда тем, вместо «преодоления различий между городом и деревней» читал «социологию урбанизации», вместо «воспитания нового человека» — теорию личности, вместо «мирного сосуществования» — социологические теории войны и мира, вместо «экономического прогресса» — теории Тейлора и Мэйо и т. п. Студентам все это нравилось, и жалоб на необычный курс не было. Жалобы были только в другом учебном заведении — Институте повышения квалификации, где я читал курс «Современная западная социология». Кое-кто из слушателей бегал с доносами в Василеостровский райком КПСС. Мой университетский учитель профессор В. А. Штофф, заведовавший кафедрой философии в ИПК, гасил напряжение и тактично призывал меня к осторожности. Впрочем, и на его курс «Методология современного научного исследования» также жаловались всякого рода малограмотные борцы за незыблемость канонов.

Что касается нашей социологии 70—90-х годов, то вероятно следует указать на ряд особенностей этого периода, которые должны привлечь внимание будущего историка.

1. В условиях слабеющего тоталитарного общества социологическая наука, призванная помочь воспроизводству основных политических и идеологических ценностей общественного строя, неожиданно стала средством социальной критики его догм и стереотипов, а позднее его преобразования. Этот эффект не был кем-то спланирован и развивался спонтанно-стихийно, но, информационно резонируя, он вызывал внимание в широких кругах, порождая повышенный интерес к самой социологии.

2. За эти годы были и неудачи — разгон Института конкретных социальных исследований, но были и достижения, постепенно сложился ряд серьезных исследовательских центров — в Ленинграде, Москве, Новосибирске, Свердловске и других городах. Шаги институционализации за последнее десятилетие впечатляют. Ориентации были разными, наряду с «цепными псами» идеологии были поклонники идеала «чистой» науки, увлекающиеся самим процессом познания как некой самоцелью. Между ними помещалась «клиентурная» социология, которая временами давала добротную информацию по заказу, но часто и халтурила. Проведено за эти годы множество теоретических и эмпирических исследований, но я не буду сейчас оценивать их качество — высокое или низкое, для этого требуется долгая временная дистанция, одно скажу — идеологических побрехушек сейчас нет, Впрочем, нет и единой идеологии. Нет или очень мало псевдонаучной литературы, хотя опасность ее появления со стороны политически ангажированной «клиентурной» социологии уже намечается.

3. Есть авторитетное мнение, высказанное еще Г. Спенсером, о том, что в недемократическом тоталитарном обществе социология невозможна, ибо это общество не нуждается в истине, так как сконструировано на обмане и само-

обольщении ложью. Это мнение разделяют видные специалисты — Р. Мертон, С. Липсет в США, у нас Т. Заславская, И. Кон и другие. Так вот, история социологии 70—90-х годов показывает, что не все так буквально соответствует схеме, но недемократическое устройство общества, конечно, уродует социологию, часто сводит теоретические системы на уровень отдельных элементов знания, табуирует многие темы и т.п. Особенностью двадцатилетнего развития социологии в нашей стране является то, что по мере развития демократии и самоуправления, востребование научного социологического знания будет возрастать. В это хочется верить и следует предпринять все усилия для развития в этом направлении, если мы хотим, чтобы наша профессиональная деятельность не была худосочной и малокровной.

Вопрос: Ваши историко-социологические работы достаточно известны, и Вы продолжаете активно разрабатывать эту проблематику. Интересно, каков ее спектр и наиболее важные для Вас темы? Возьмете ли Вы на себя смелость охарактеризовать не только историческую ситуацию в отечественной социологии, но, главным образом, современное ее состояние? В каком направлении, с вашей точки зрения, развивается современная российская социология? Каково ее будущее?

Ответ: Теоретические и институциональные особенности нашей социологии за последнее десятилетие подтверждают одно старое наблюдение — социология, будучи коллективной формой самосознания общества, зависит от состояния самого общества. Несколько моментов характеризуют это состояние — долгое прощание с наследием тоталитаризма и плановой общегосударственной экономикой, неуверенное строительство демократии и основ гражданского общества, глубочайший производственный, политический, культурный и экологический кризисы. Народ, которому десятилетиями вдалбливали мессианские мысли о том, что он должен «спасти весь мир», обнаруживает, что он с трудом спасает самого себя. Все это определило в социологии две противоречивые тенденции: положительную, стимулирующую ее функционирование и развитие, и отрицательную, блокирующую их же. Подчас эти тенденции проявляются в изолированном виде, но иногда переплетаются и даже сливаются. Обе тенденции сильно влияют на самочувствие российской социологии. Их проявление следует рассматривать по трем параметрам: институционализация социологии, финансирование научной деятельности и общетеоретическая ситуация.

Вопрос: Чем характеризуется первый параметр?

Ответ: В первую очередь, организационной экспансией. С началом перестройки, особенно после провозглашения гласности, напряженная оборонительная поза, в которой стояла социология 60—80-х годов, ушла в историю вместе с уродовавшим ее идеологическим и партийным прессом. В системе среднего и высшего образования социология вводится в качестве обязательного курса, появляются кафедры, отделения и факультеты во многих университетах, создаются курсы подготовки и переквалификации преподавателей-обществоведов. Большой массив студентов и аспирантов начинает специализироваться по социологии. Это вызвало невиданное расширение читательской аудитории и в ответ — рост публикаций различных учебников. Так, к учебникам, написанным за 91—98 годы в традиционных центрах академической соци-

ологии — Москве и Петербурге, присоединились пособия, подготовленные в Екатеринбурге, Барнауле, Уфе, Воронеже, Ростове, Архангельске и других городах. Это дополнилось переводами ходовых зарубежных учебников (Э. Гидденс, Р. Арон, Н. Смелзер и другие). Проводятся даже научные конференции, на которых сравниваются достоинства и недостатки всех этих пособий. Нововведения охватили и другие стороны процесса институционализации: были введены научные степени по социологии, и за несколько лет был защищен немалый список кандидатских и докторских диссертаций, старые социологические общества и институты меняются в лучшую сторону и бурно размножаются в лице региональных центров социологии во многих провинциальных городах, появляются невиданные ранее неофициальные организации, действующие не на государственно-бюджетном обеспечении, а на чисто коммерческой основе.

В эпохи социальных переломов у людей пробуждается массовый и стойкий интерес к общественному устройству собственной страны, ее прошлому и вероятному будущему. Именно этот интерес определил не только успешное вхождение социологии в систему образования и укрепление в академическом мире, но и растущий спрос на социологическую информацию. Старый профессиональный журнал «Социологические исследования», выходящий с 1974 года, уже не мог удовлетворить растущую потребность в информации. Появились новые периодические органы — «Вопросы социологии», «Рубеж», «Мир России», «Школа гуманитарных наук», «Социологический журнал» и, конечно, «Журнал социологии и социальной антропологии».

За последние годы устойчиво сложился мощный поток социологической литературы. Одна струя в нем — исследования нашего общества и всевозможных его проблем, следствий и ближайших перспектив перестройки. Эмпирики-социологи торопятся, ибо сама жизнь на их глазах проводит удивительный эксперимент реформ. Идет лихорадочный сбор данных, на ближайшей повестке дня вторичный анализ обширных данных, как официальных, собранных различными государственными Комитетами статистики, так и лично-исследовательских. Многие проблемы, бывшие закрытыми в советское время — бюрократизм, бедность, проституция, милитаризация общества, социальные бедствия, дисфункциональность систем здравоохранения и образования, подлинное место дореволюционной России в мировой системе, вклад русского зарубежья в мировую науку и т.п. — стали объектами социологического анализа. Впрочем, научное качество работ не всегда безупречно. Хорошо то, что работы появляются и свободно обсуждаются, т. е. могут быть исправлены и уточнены как нынешним, так и последующим поколением ученых. На некоторых работах лежит печать неуместной торопливости, политической ангажированности, малой обоснованности выводов. Но есть очень ценные исследования. Другая крайне позитивная струя в потоке литературы — переводы зарубежной классики и работ современных теоретиков. Третья струя связана с введением в научный обиход социальной философии и социологии русского зарубежья. Вместе с этим переиздаются дореволюционные авторы как отдельно, так и в виде антологий. Таким образом предпринимаются попытки восстановить историческую память в сфере социологической и философской культуры, серьезно нарушенную за годы советской власти. Хотелось бы порекомен-

довать журналу внести свой полезный вклад на этом важном поприще.

Вопрос: Есть ли трудности с финансированием научной деятельности?

Ответ: Экономический кризис и инфляция вызвали нерегулярность оплаты и уменьшение денежных средств. В старой системе регулярной и довольно механической оплаты были свои недостатки — она невольно питала паразитизм псевдоученых, которые после защиты диссертации, а иногда и без нее, рассматривали зарплату как пожизненную ренту и в дальнейшем просто имитировали исследовательскую деятельность. Ныне сложилась рыночная ситуация с неизбежной конкуренцией, системой дифференцированной награды, создающая возможность выживания для наиболее компетентных лиц и повышающая жажду высокой профессионализации среди молодого поколения. В стране появились государственные и частные, отечественные и зарубежные фонды, которые через гранты оказывают помощь журналам, текущим исследованиям и итоговым публикациям. Но, с другой стороны, трудности бюджетного финансирования породили новые вариации нежелательного эффекта «клиентизма», который раньше был окрашен в идеологические тона, а ныне — в коммерческие. Часть социологов в угоду заказчику занимается цифровой клоунадой, очень далекой от объективного поиска истины, другая часть (среди них есть талантливые люди) просто уходит из науки и преподавания в коммерческую деятельность, выступая в роли экспертов либо руководителей фирм и т. п. Многие студенты социологических факультетов и отделений изначально нацеливают себя именно на этот вид деятельности. Кое-кто целиком перешел к политизированной журналистике, но в этой деятельности есть хоть небольшой плюс — своеобразная популяризация социологии в массовом сознании. Однако уже высказывались обоснованные опасения, что политическая ангажированность может продуцировать на древе науки «и пустоцвет, и горькие плоды». Если нехватка средств продлится, то это сможет деформировать академическую социологию не хуже старого политико-партийного диктата. Кроме того, чисто прикладные, количественные исследования, которые П. Сорокин называл «квантофренией», легче находят финансирование и могут перекрыть кислород качественным исследованиям. Опасения на сей счет весьма серьезны.

Вопрос: Как Вы оцениваете современный уровень развития социологической теории? В литературе уже давно идут споры об этом.

Ответ: Общетеоретическая ситуация в нашей социологии в известной мере напоминает положение в социологической науке других стран, а именно — наличие дилеммы реальной полипарадигматичности и призывов к должной интеграции. История ясно показала, что монополия одной социологической теории — исторического материализма — подрывала творческие силы ее самой, попавшей в нелепое положение «единственно научной и верной» и заставившей расплачиваться не только собственной догматизацией и вульгаризацией, но даже физической смертью тех ее адептов, которые пытались сопротивляться этим процессам. Сложившаяся монотеоретичность стала постепенно подтачиваться с начала 60-х годов и ныне рухнула, сменившись мозаичной теоретической картиной, в которой обнаруживаются как марксисты «старого покроя» (в основном среди преподавателей высшей школы), так и расклевывшиеся в грехах большевизма и склонные к некоторой ревизии «социологического фундаментализма» с учетом кое-каких новых реалий; поиск желанной ста-

бильности, постоянно фиксируемый во многих опросах населения, плохо адаптируемого к неожиданным зигзагам общественных изменений, поддерживает неофункционалистские вариации, а рост в стране субъективной свободы создает в повседневном мире многочисленные и неожиданные игровые ситуации, что помогает феноменологическому видению мира; страх из-за загрязнения среды обитания породил сторонников несколько натурализованного подхода типа «человеческой экологии», сочувствие у молодых социологов вызывает и постмодернизм, и теория «мировой системы». Мозаичность нашла свое проявление и в сфере междисциплинарных отношений, старые ближайшие союзники исторического материализма в виде истории и политической экономии сейчас отодвинуты несколько в сторону и уступают место политологии и культурологии, курсы и кафедры которых возникли во всех университетах. Намечился сдвиг в сфере зарубежных предпочтений. В 60—70-е годы американское влияние на нашу социологию было решающим. В наши дни явно заметен дрейф в сторону европейской социологии, прежде всего, ее французской и немецкой ветвей. Это подтверждается и значительным перевесом переводов европейских социологических книг над американскими.

Перечисленные характеристики мозаичности создают впечатление некоторого теоретического бездорожья. В этой ситуации есть свои плюсы и минусы. Вариабельность создает полезные возможности выбора разных позиций, научного соревнования и в итоге углубления каждой точки зрения. В Америке ставку на сохранение мультипарадигматичности делает Р. Мертон, у нас — В. Ядов, последнего поддерживает большая часть творческой молодежи. Но в этой ситуации уже сейчас обнаруживаются скверные стороны — монополия на подлинную научность снижается с общегосударственного уровня на более низкий — кафедру, факультет, исследовательскую группу, журнал. Все это сопровождается прямым неуважением к конкурентам, нежеланием знать и понимать их позиции, оправданными или неоправданными сомнениями в научности их приемов сбора и обобщения данных. Социологическое образование с подобной установкой будет деформированным. Я был неприятно изумлен, когда свежеепеченный выпускник социологического факультета на аспирантском экзамене по истории социологии невозмутимо признался, что не читал сочинений К. Маркса, т. е. для себя он удалил его из истории социальной науки. У нас в крови любовь «перетягивать тетиву лука в обратную сторону»: если раньше штудировали только или, точнее, прежде всего тексты Маркса, то теперь элементарное незнание их считается чем-то обычным, но при этом будут педантично коллекционировать мнения тех, кого Ф. Достоевский полу-презрительно называл «букашками социальной науки».

Между тем, если оставить в стороне теоретико-методологические поединки и приблизиться к самой исследовательской практике, то убеждаешься, что разные, подчас альтернативные подходы часто идут друг другу навстречу в исследованиях нашего сложного и постоянно меняющегося мира. «Зачем толкаться, — говаривал А. Чехов, — всем места хватит». Я лично убедился в справедливости его слов при изучении вопроса алкоголизации населения в России. Вначале меня удовлетворило чисто структурное объяснение экономических, политических и культурных функций производства и потребления алкоголя в обществе. Потом привлекли внимание генетический и историко-сравнитель-

ный подходы, фиксирующие фазы и ритмы алкоголизации. Но в заключение я вышел на чисто феноменологическое рассмотрение роли алкоголя в повседневном человеческом поведении, закрепленной в поговорках, пословицах, анекдотах, обычаях застолья. Мною было обнаружено небывалое речевое богатство — несколько десятков синонимов слова «выпить». Причем этот фольклорный источник не засыхает, появляются в нашем языке все новые слова и словосочетания. Каждый подход открывал свой пласт социокультурного бытия, и логично напрашивалась корреляция и объединение результатов. Подлинная интеграция — это синкретическое сосуществование многих подходов, работающих с разных сторон в поиске истины. Желание общетеоретической интеграции — это своеобразная идеальная цель (что-то вроде абсолютной истины). Но даже как редко достижимая цель она полезна, ибо умеряет крайности любых отдельных подходов, когда они пытаются представить себя единственно научными. Вызов тому, что Р. Миллс называл «социологическим воображением», у нас в стране бросают новые социальные реалии, требующие сочетания традиционных приемов и нововведений: феминистское движение, усложнение социальной стратификации, бедность и богатство, массовое ощущение социальной катастрофы и надвигающихся бедствий. Изучать эти явления можно с разных теоретико-методологических позиций, но объединенные результаты в ближайшее десятилетие могут составить наиболее интересные исследования. С гносеологической стороны интеграция предполагает выделение главного знания каждого направления и их соединение, т. е. мультитеоретичность, и наличие умов особого абстрактно-синтезирующего склада, столь редко встречаемого в жизни вообще. В последнем случае мы должны их появления просто ждать, уповая на научную молодежь и занимаясь более мелкой аналитической работой. Кстати, у нас смена научных поколений явно уже началась. «Шестидесятники», так много сделавшие для отечественной социологии, либо ушли из жизни, либо, хотя и стоят на постаментах «живых классиков», находятся, за некоторыми исключениями, на неумолимом возрастном спаде интеллектуальных возможностей. На смену социологам — энтузиастам, вербовавшимся из философии, политической экономии, истории, правоведения и многих других дисциплин, ныне приходят люди, получившие систематизированное профессиональное образование, как отечественное, так и зарубежное.

В практическом отношении результатом поиска объединения и интеграции разных теорий должен служить профессиональный журнал, поставивший себе такую стратегическую задачу изначально. Хотелось бы надеяться, что «Журнал социологии и социальной антропологии» послужит этому делу.

Вопрос: Что, по вашему мнению, более всего стимулировало вашу активность: мотив познания, жажда успеха, стремление к власти в академическом поле или другие факторы?

Ответ: Поиск истины и передача результатов другим — публикацией или преподаванием. Естественное желание успеха в этом деле. Что касается власти, то ее возможности иногда очаровывают интеллектуалов, но реальность оказывается чаще всего менее вдохновляющей. Я же инстинктивно равнодушен к власти.

Вопрос: Какие теоретические принципы в социологии и в целом в соци-

альной науке вы разделяете? Какие социологические проблемы и темы собственно привлекают ваше внимание?

Ответ: Существует несколько «первопринципов»: материализм — идеализм, детерминизм — индетерминизм, холизм — элементаризм, реализм — номинализм, историзм — функционализм и т. п. Как Вы знаете, они дихотомны, предполагают конфликтное сосуществование и используются в разных сочетаниях, пропорциях и степени. Лично я полагаю, что комбинация следующих принципов — материализм, детерминизм, реализм, историзм и т. п. — самая полноценная в гносеологическом отношении, но и альтернативные принципы не отвергаю абсолютно, ибо в них есть свои объяснительные возможности. И вообще, что представлял бы собою идеализм без материализма, реализм без номинализма? Те или иные сочетания разных принципов, логически или эклектически подогнанные друг к другу — это удел судьбы исследователя, вкусов, моды. Хотя логически безупречные комбинации увеличивают познавательные возможности.

Что же касается проблем, то социология — всеядная наука, и любые ее темы по-своему привлекательны для подлинного профессионала. Впрочем, меня интересует обширнейшая тема — история отечественной социологии, которая, как и любая другая научная проблема, неисчерпаема. Объем работы на этом поприще велик, хотя за последнее время успешные шаги вперед сделаны. Скажем, у нас еще нет развернутых работ о таких персоналиях, как Д. Градовский, Л. Петражицкий, Д. Коропчевский, П. Линицкий и других. Совсем недавно появилась единственная статья о теории цивилизаций Н. Хлебникова, а он заслуживает большего. Или такая тема — участие русских ученых в первых мировых конгрессах социологии. Кто из них читал доклады, о чем, как к ним отнеслись коллеги разных стран? И таких сюжетов множество.

В последние годы я занимался разными ветвями исторической социологии, имевшей дело с пьяницами, нищими, проститутками. Теперь ближайшие пять лет хотел бы исследовать российскую социологию бюрократизма. Как бы дошло время и до них. Интересно, что у нас есть современные исследования о всех классах и сословиях дореволюционной России — крестьянстве, рабочих, купцах, интеллигенции, священниках, казаках и т. п., но почти нет работ о чиновниках. Бытовое пренебрежение к ним — «крапивное семя», вошло и в науку. А на деле чиновничество составляло важные нити в ткани государства и от их крепости, нравственного здоровья, профессиональной компетентности, готовности к социальным изменениям зависела прочность всей ткани. Российские социологи XIX — начала XX века внимательно изучали «бюрократический феномен», были работы апологетические, были и критические. Хотелось бы собрать все мнения и концептуально объединить, сопоставив с современными теориями.

Вопрос: Каковы Ваши надежды и ожидания по поводу ближайшего будущего российского общества? Каковы Ваши прогнозы будущего России в XXI столетии?

Ответ: Прогнозы, особенно долговременные — дело неблагодарное. Во всяком случае, я не столь самонадеян, чтобы заниматься этим. Даже события наступающей недели трудно предсказать точно, за исключением банальностей. От чего мы уходим, известно, а вот куда идем — не очень. Лучше очень корот-

ко скажу о своих предпочтениях на этом пути. «Экономический порядок» — вероятно, нужна смешанная экономика разной ориентации в контроле и целях: свободное конкурентное, личная инициатива в отраслях, обеспечивающих качество жизни, общественная помощь этому сектору (законодательная, охранительная, финансовая) и госсектор в сферах, обеспечивающих национальную безопасность и общенародные интересы. Как они будут сочетаться — вопрос конкретной, ситуативной жизни, которую надо поставить только в конституционные рамки. «Политический порядок», вырастающий на упомянутом выше «экономическом порядке», должен опираться на полнокровную демократию и самоуправление. Следует избегать, на основе законов, авторитарных вариантов, к которым наш народ, к сожалению, привык. И последнее — «культурный порядок». Видимо, он должен быть построен на реформе всей системы образования и ориентирован на многие технические нововведения. В целом, было бы органичным сочетание наших славных традиций в сфере культуры и новейших, экспериментальных тенденций. Нынешний хлам, которым забивают голову молодых поколений, крайне опасен. Я в сфере культуры традиционалист и даже консерватор. Полагаю, что упомянутое сочетание трех порядков обеспечит относительно безболезненное развитие страны. Иначе опять «аршином общим не измерить», ибо аршин вообще потеряем.

Интервью подготовил и провел В. В. Козловский

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ И. А. ГОЛОСЕНКО

- История социологии как научная проблема // Социологические исследования. 1976. № 1.
Социологическая мысль в России / Под ред. Б. А. Чагина. Л.: Наука, 1978. Гл. 1, 7, 8, 11.
Реализм и номинализм в истории буржуазной социологии // Социологические исследования. 1979. № 4
Универсальное и национальное в немарксистской социологии // Там же. 1981. № 4.
«Русское пьянство»: мифы и реальность // Там же. 1986. № 3.
Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар: Истоки, 1991.
Столыпинская реформа и социология Огюста Конта // Социологический журнал. 1994. № 4.
Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX — XX вв. М.: Онега, 1995. Гл. 1-4, 6, 7, 9.
Социологическая литература России второй половины XIX — начала XX в.: Библиографический указатель. М.: Онега, 1995.
Системный анализ в творчестве П. Сорокина // Социально-политический журнал. 1996. №1, 2.
Нищенство как социальная проблема: Из истории дореволюционной социологии бедности // Социологические исследования. 1996. № 7, 8.
Российская социология проституции (1861 — 1917 гг.). СПб.: Институт социологии РАН, 1997.
Идеи Макса Вебера в России 20-х годов // Макс Вебер, прочитанный сегодня / Под ред. Р.П. Шпаковой. СПб., Издательство СПбГУ, 1997.
Проблема кризиса общества и культуры в социологии Питирима Сорокина // Российская социология: Историко-социологические очерки. М.: РГГУ, 1997.